

♦ МЕСТА ЛИТЕРАТУРНЫЕ

«В дремоте старого дома»

Поезд не спеша выкатился из степи, прогрохотал по чугунному мосту, и вот — малолетний перрон Ливенского вокзала. Был апрель 1929 года. Константин Георгиевич Паустовский устал с дороги и порадовался, что нужный ему дом находился недалеко. Здесь жили Нацкие, давние знакомые семьи Паустовских. У хозяйки дома Нины Дмитриевны был брат Василий. Он работал геологом, много путешествовал и рассказывал Паустовскому о своих трудных странствиях в прикаспийских пустынях.

Впоследствии Константин Георгиевич вспоминал: «...жадное любопытство охватило меня, жестокое желание увидеть эти места лицом к лицу и поучаствовать не страх, а какой-то непонятный восторг перед грозным одиночеством этих скал, раскалиенных солнцем». Там появилась мечта написать «Кара-Бугаз», в котором прообразом Шацкого стал ливенец В. Д. Нацкий.

Писал эту повесть Паустовский тоже в Ливнах, но уже в свой второй приезд сюда в 1931 году после пребывания на Каспии. «Мне легче было писать о Кара-Бугазе в дремоте старого дома, под непрерывную перекличку слободских петухов, под ровный звон дождевой воды, лизшейся с крыши в старую бочку...» Писатель приехал сюда с женой и сыном Вадимом и снял комнату в высоком кирпичном доме Бондаревых в Заливненском районе города на берегу реки Сосны.

Паустовские любили бродить по окрестностям города. Иногда тропа приводила в лесок Липовичи, расположенный за рекой. «Там не было ни родничка, ни колодца, но было много свежей травы, цветов, птиц. И удивительный покой, тишина. Мне нравилось там отдыхать», — вспоминал писатель впоследствии.

Много времени провел он вместе с местным жителем железнодорожником Изотом Леонтьевичем Хворощиным, орнитологом-любителем, вдоль и поперек исследовавшим степные просторы родного края. Во время путешествий он выводил места гнездования птиц, изучал их повадки, собирал коллекцию птичьих яиц, разводил в домашних условиях павлинов, цесарей, черных и золотистых индеек.

Естественно, что Константин Георгиевич нашел в Хворощине интересного собеседника и между ними установились теплые, дружеские отношения. Писатель расспрашивал его о повадках пернатых, интересовался, почему в отдельные зимы некоторые птицы не улетают на юг, отчего в этих краях столько перепелов и куропаток, что даже на гербе города они изображены... Вопросы было много. Дочь Хворощина Клавдия Изотовна вспоминает о том времени: «Пале нравилось беседовать с Паустовским... Литературных тем

тихо струились Сосна и Ливенка, на зеркальной глади которых отражались кучки белых облаков.

Вечерами хозяин дома — Иван Александрович Бондарев устраивал чаепития, а потом мужчины уединялись в палисаднике на берегу реки и о чем-то долго беседовали. От прогретой за день земли струилось тепло. Уходить отсюда не хотелось. Но Константин Георгиевич шел в дом, и, засветив керосиновую лампу, допоздна писал.

Но однажды случилась беда. Болезнь свалила в постель хозяйку дома, Бондареву. Паустовский поспешил к врачу Нине

Дмитриевне Нацкой, принес лекарства из аптеки. Лечение не помогло, через три дня хозяин умер. Константин Георгиевич плакал, не скрывая слез. А затем в середине октября он уехал из Ливен.

Пятьдесят лет минуло с той поры. Сохранился красный кирпичный дом, в котором жил писатель. Теперь на нем — мемориальная доска. Хозяйка его — дочь Бондарева, Алиса Ивановна Полякова. Тогда ей было семнадцать лет, и это она послужила писателю прообразом милой русской девушки Анфисы в «Золотой розе».

Пребывание в этом тихом городке было для писателя плодотворным и запомнилось ему на всю жизнь. В день своего семидесятилетия он прислал сюда телеграмму: «Часто вспоминаю Ливны, милых ливенцев, в частности, чеховского самоотверженного врача Нину Дмитриевну Нацкую, быструю Сосну, вездесущих ливенских мальчишек и жаркий сад, где я писал в ветхой беседке свою первую большую книгу...»

Г. РЫЖКИН

ЛИВНЫ,
Ордовская обл.

они не касались. Ни единым словом Константин Георгиевич не выдавал, что он писатель. Скорее можно было подумать, что он ученый-натуралист».

В перерыве между работой над повестью любил писатель порыбачить у плотины Адамовой мельницы. Место здесь было рыбное. Ливенские мальчишки старались всячески угодить постороннему человеку: поделиться наживкой, показать удачное место. Река спокойно несла свои воды, а на высоком холме у слияния Сосны и Ливенки тонко высвечивалась белая церковь.

Часто Паустовские поднимались на Елецкую гору и отсюда смотрели на древний город, который был виден как на ладони. Над серыми городскими постройками и зеленью садов живописно белели пятнадцать церквей, оставшихся в «наследство» от богатого купечества. По границам городской черты